

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ (КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ВЕРХОВНЫХ И КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА)¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Широкое распространение конституционного правосудия по нашей планете доказывает его необходимость как ключевого элемента в судебных системах и государственном механизме. Опыт различных стран демонстрирует, что конституционные суды выполняют важные функции в отношении государственных органов и индивидов, защищая государственное единство и конституционные права граждан. Но какова идеальная модель конституционного правосудия? Предпринимается попытка найти в том или ином виде ответ на данный вопрос или рабочую гипотезу.

Материалы и методы. Исследование основано на монографиях и статьях российских и зарубежных авторов и использует сравнительный метод. Предпринимается сравнение между различными моделями верховных судов, а затем между различными моделями конституционных судов. Помня о типологической близости германского федеративного государства и Российской Федерации, автор выдвигает предположение, что Конституционный Суд является лучшим решением для России, нежели Верховный Суд.

Результаты. Сделано множество наблюдений о положительных и негативных чертах высших судов в различных странах. Верховный Суд США является уникальным органом со множеством негативных черт. Новый Верховный суд Великобритании может служить примером органа с умеренными и неэкспансионистскими полномочиями. Конституционный совет Франции не является судом в полном смысле этого слова и имеет достаточно ограниченные полномочия. Федеральный Конституционный суд Германии является лучшим в воспроизведенной выборке. Скандинавские страны отказываются иметь отдельные конституционные суды, и их позиция имеет смысл.

Выводы. Автор не готов дать окончательные рекомендации об оптимизации деятельности Конституционного Суда в России. Но в то же время выдвигаются некоторые предложения для проверки, включая сохранение для него разумных полномочий, проведение семинаров-дискуссий судей с представителями российской юридической науки. Не подлежит сомнению, что Конституционный Суд не должен позиционировать себя как главный суд России, но только как один из высших судов с ограниченными специфическими функциями.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционные суды, верховные суды, сравнительный анализ высших судов в различных странах, идеальная модель органа конституционного правосудия, оптимальная модель Конституционного Суда для России.

A. Yu. Salomatin

IDEAL MODEL OF A CONSTITUTIONAL JUSTICE BODY (COMPARATIVE ANALYSIS OF SUPREME

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00284.

AND CONSTITUTIONAL COURTS OF THE LEADING COUNTRIES IN THE WORLD)

Abstract.

Background. Wide spreading of Constitutional Justice over our planet proves its necessity as a key element in the court systems and state mechanism. The experience of different countries demonstrates that Constitutional Courts fulfill important functions concerning state bodies and individuals, defending state unity and constitutional rights of citizens. But what is the ideal model of Constitutional Justice? This article is an attempt to find some kind of an answer or a working hypothesis.

Materials and methods. The research is based upon monographs and articles by Russian and foreign authors and applies the comparative method. The comparison is made between different models of Constitutional Courts. Keeping in mind the typological proximity of the German federative state to the Russian Federation the author puts forward a suggestion that the Constitutional Court is a better solution for Russia than the Supreme Court.

Results. There are many observations about positive and negative features of higher courts in different countries. The US Supreme Court is a unique body with many negative features. The New Supreme Court of Great Britain may be an example of a body with moderate and non-expansionist powers. The Constitutional Council of France is not a court in a pure sense and has rather limited powers. The Federal Constitutional Court of Germany is the best among the represented. The Scandinavian countries refuse to have separate constitutional courts and their position is reasonable.

Conclusions. The author is not ready to make the final recommendation about optimal work of the Constitutional Court in Russia. But some proposals for examination were made, including preserving its reasonable powers, holding discussion seminars with representatives of the Russian legal science. It goes without saying that the Constitutional Court must not position itself as the main court of Russia but only one among the higher courts with limited specific functions.

Key words: Constitutional Justice, Constitutional Courts, Supreme Courts, Comparative Analysis of Higher Courts in Different Countries, Ideal Model of Constitutional Justice Body, Optimal Model of Constitutional Court for Russia

Идеальных моделей в реальной жизни не бывает. Но к идеалу можно приблизиться. Можно, наконец, посмотреть, насколько реальные модели далеки от идеальной.

Проблема конституционного правосудия актуализировалась в мировой государственно-правовой и политической практике с середины XX в. Разгром фашизма в ходе Второй мировой войны создал условие для усиления демократического правопорядка и более последовательной реализации разделения властей. Судебная власть во многих странах стала восприниматься как более самостоятельная и полноценная, чем это было принято считать в наполненными авторитарными тенденциями межвоенный период. **Новая роль судебной власти была подкреплена созданием специальных органов конституционного правосудия.** ФРГ, Италия, Франция учреждают соответствующие структуры. По состоянию на 1960-е гг. конституционный контроль был предусмотрен конституциями или фактически применялся в 80 зарубежных государствах [1]. Он распространился не только в Западной

Европе и Латинской Америке, но и в ряде стран Африки, а в 1990-е гг. затронул Восточную Европу.

В истории конституционного правосудия был орган с максимально широкими полномочиями и с максимальной открытостью перед населением. **Суд конституционных гарантий**, созданный в республиканской Испании в соответствии с Конституцией 1931 г., был построен на сугубо демократических началах и характеризовался сложностью состава. «Отличительными чертами этого испанского института был значительный круг субъектов, которые могли обращаться в суд: государственная прокуратура, судьи и суды в случае, когда они вынуждены применять закон, противоречащий Конституции (в этом случае рассмотрение дела приостанавливалось), правительство республики, испанские области, любое лицо или любой коллектив, даже если потерпевшими они не являлись» [2, с. 21].

Однако служит ли на пользу общества столь широкий круг субъектов обращения? Не ведет ли это к неоправданным нагрузкам на судебных работников и не дезорганизует ли работу государственного механизма в целом? Рассмотрим деятельность нескольких высших судов, как специализирующихся на конституционных жалобах, так и имеющих более широкую, общегражданскую юрисдикцию.

***

Верховные суды в историческом плане предшествовали конституционным судам. Почему? Да потому, что судьи этого типа, в отличие от конституционных, осуществляли широкий спектр полномочий. В некоторых случаях они возникали еще в Средневековье. Так, в **Швеции** предшественником Верховного Суда, учрежденного королем Густавом III в 1789 г., являлся Личный совет короля и его департамент юстиции, куда направлялись апелляции на судебные решения. В дальнейшем в составе Верховного Суда из 12 членов половина судей были аристократами, половина – простолюдинами (это положение было отменено в 1844 г.)¹. В **Дании** Верховный Суд был основан королем Фредериком III в 1661 г. и состоял из 30 судей. До принятия Конституции 1849 г. его главой считался король, присутствовавший каждый год только на первых его сессиях².

Однако формально считается, что **первым Верховным Судом был орган, прописанный в Конституции США 1787 г. и учрежденный Конгрессом в 1789 г.** Этот суд уникален в том плане, что он, как говорят носители английского языка, «сам сделал себя». «Устраивая короткие сессии в тавернах и подвале Капитолия, по большей мере не обладая установленными нормами и процедурами, которые управляли бы принятием решений, Верховный Суд практически не имел институциональной идентичности» [3, р. 19]. В дальнейшем из заурядного судебного собрания с незначительным объемом дел он превратился в могущественный судебный орган, воспользовавшись сложившейся политической конъюнктурой.

В ходе дебатов между сторонниками прав штатов и сильной федеральной власти высказывались противоположные суждения по поводу необходи-

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Supreme_Court_of_Sweden

² http://en.wikipedia.org/wiki/Supreme_Court_Denmark

мости развитой федеральной юстиции. Одни из основателей Конституции Дж. Мэдисон не без оснований возражал своим противникам, что судьи штатов в силу их зависимости от штатных legislatures не смогут приводить в исполнение федеральные законы. Но главное – в новом федеративном государстве все три ветви власти должны быть эффективными и по объему своих полномочий должны соответствовать друг другу [4].

Принятый Конгрессом 24 сентября 1789 г. закон о судостроительстве создал полноценную ветвь федеральных судов трех ступеней во главе с Верховным Судом. Тем не менее свое «место под солнцем» этим судам еще предстояло завоевать. Поскольку федеральное законодательство формировалось медленно, а конституционно оговоренные случаи подсудности явно не могли претендовать на массовое применение, первоначально их «фронт работы» был невелик. Более того, с приходом к власти джефферсоновских республиканцев, уважительно относившихся к судам штатов, он еще и сокращается [5, p. 233].

Кроме того, исходя из недостаточных организационных возможностей федеральных судов, Конгресс мог уполномочить суды штатов выполнять функции судебного преследования при реализации федеральных законов, что не всегда встречало понимание со стороны штатов [6, p. 98].

Так или иначе новый председатель Верховного Суда Дж. Маршалл, вступивший на должность в 1801 г., сумел утвердить за этим органом **правомочие конституционного ревью**, не прописанное в Конституции. **Это новое положение было навязано американскому истеблишменту и вошло в традицию ввиду слабости как законодательной, так и (в еще большей степени) исполнительной власти, а также в силу того, что Суд взял на себя функцию по укреплению федеративного государства в целом ряде решений** [7, с. 11]. Решение по делу **Martin v. Hunter's Lessee** (1816) укрепило полномочие Суда отменять решения судов и штатов и облегчило унифицированное понимание федеральных законов в масштабе страны.

Федеративная аргументация в пользу централизованного государства была продолжена в другом поворотном решении **McCulloch v. Maryland** (1819), которое утвердило исключительную власть федеративных структур над своими филиалами в штатах. Решение **Gibbons v. Ogden** (1824) открыло путь беспрепятственному транспортному сообщению между штатами, не подвластному неразумным местническим ограничениям.

Но были в деятельности Суда и вопиющие ошибки. Например, решение по делу **Dred Scott v. Sanford** (1857), объявившее после нескольких десятилетий использования неконституционным Миссурийский компромисс 1820 г., инициированный Конгрессом США, вызвало возмущение в северных штатах своей неприкрытой прорабовладельческой позицией. Именно оно во многом подтолкнуло заатлантическую республику к Гражданской войне 1861–1865 гг.

Политической конъюнктурой были продиктованы и ряд решений 1890-х гг., принятых с беспрецедентной откровенностью в интересах крупного капитала. В деле **US v. E. C. Knight Company** (1895) судьи намеренно узко использовали популярный у американцев антимонополистический закон Шермана, указав на то, что последний запрещает только монополию в сфере торговли, а не производства. Еще меньшее стремление отыскать истину про-

явили служители Фемиды в деле **Pollock v. Farmers Loan & Trust Company** (1895), когда минимальный подоходный налог, инициированный Конгрессом, был объявлен неконституционным. Опираясь на словари и экономические трактаты XVIII в., дебаты конституционного конвента 1787 г., адвокаты истцов демагогически утверждали, что «отцы-основатели» не имели намерения санкционировать «несправедливые», «классовые» налоги, которые распространялись бы на несколько процентов населения и на несколько наиболее богатых штатов. Под натиском недобросовестной словесной артиллерии большинство верховных судей признали вначале два элемента подоходного налога не соответствующими Конституции, а затем фактически и весь закон [8–10].

«Начиная с 1890 по 1937 г. Верховный Суд США на основе 14-й поправки объявляет неконституционными более 200 местных законов, пытающихся в какой-то мере регулировать экономическую жизнь в штатах. К ним относятся законы, ограничивающие в той или иной мере высокие монопольные тарифы железнодорожных корпораций, законы против торговых спекуляций и т.п. Анализ судебной практики по применению 14-й поправки показывает, что ее истолковывают не только и не столько в смысле укрепления идеи верховенства судебной власти над законодательством штатов, сколько в плане усиления политической роли судебной машины как органа разрешения основных социальных конфликтов...» [11, с. 11]. К счастью для страны, период открытой конфронтации с исполнительной и законодательной властью закончился к концу 1930-х гг.

Вообще, **непредсказуемость и субъективизм в деятельности Верховного Суда весьма высоки, и это то, чего следовало бы избегать судам других стран.** На теоретическом уровне это объясняется жесткими столкновениями между сторонниками оригиналистского и неоригиналистского, широкого толкования Конституции. «Юристы, которые опираются главным образом на источники, признаваемые в конституционном праве США как первичные (текст Конституции, намерения «отцов-основателей»), считают себя оригиналистами... Правоведы, которые придают особую значимость в процессе конституционного толкования судебным прецедентам, последствиям альтернативных интерпретаций Конституции, естественно-правовой доктрине, считают себя приверженцами концепции “живой конституции”, но нorigиналистами» [12, с. 15]. Среди тех и других немало влиятельных судей. Они опираются на поддержку разных профессиональных организаций: Американского конституционного общества в первом случае и Общества федералистов – во втором.

Другой явно негативной чертой является **низкая работоспособность американского высшего судебного органа.** Например, Суд под председательством У. Бергера в 1982 г. рассмотрел 185 дел, но после 1989 г. это число стало постоянно падать. Причем судьи добились практически неограниченной свободы в подборе дел под предлогом того, что основную рутинную нагрузку в судебном контроле должны нести федеральные апелляционные судьи и высшие суды штатов [13, р. 269]. В итоге в настоящее время **Верховный Суд рассматривает не более 75–80 дел в год** – недопустимо малое число по общемировым меркам! **В номенклатуре этих дел видна также односторонность:** при том, что за последние десятилетия сократилось число ре-

шений, связанных с социально-экономической проблематикой (профсоюзами, федеральными налогами, бизнесом), более 50 % дел затрагивают гражданские права и свободы в их самых многообразных аспектах (уголовный процесс, Первая поправка к Конституции, должная правовая процедура, услуги адвокатов, право на частную жизнь) [14, р. 284]. **Возникает ощущение, что Верховный Суд США перестал осуществлять функции обычного высшего судебного органа, которые он выполнял раньше, и превратился в чисто узко специализированный орган конституционного правосудия, обслуживающий лишь частные интересы отдельных граждан.**

***

Верховный Суд Индии олицетворяет полярную модель функционирования высшего судебного органа страны. У него нет конституционной эксклюзивности, можно сказать, что он **формально близок к американской модели**. Но это только формально. Созданный в 1950 г. в составе восьми судей (тогда было внесено на рассмотрение более 1000 дел) он постоянно расширялся в своем кадровом составе и увеличивал число вынесенных решений. Соответственно, в 1956 г. в нем уже работало 11 судей, в 1960 г. – 14, в 1977 г. – 17, в 1986 г. – 26 и в 2008 г. – 31. В 1960 г. было более 2000 обращений, в 1980 г. – свыше 20 000, в 2010 г. – почти 70 000. В 1951 г. было рассмотрено 227 дел, в 2010 г. – 7642. Члены индийского парламента, судя по всему, никогда не ставили перед собой цель как-то ограничить «фронт работы» Суда, сделать ее более избирательной и эффективной [15, р. 182–183]. Другой явный недостаток в функционировании данного судебного органа – противоречивость решений его судебных коллегий, одни из которых весьма охотно и часто применяют смертную казнь, а другие – нет.

***

Что привлекает в деятельности **Верховного Суда Великобритании?** Пожалуй, его **достаточно скромные, адекватные полномочия, не затрагивающие высший суверенитет парламента**, состоящего из представителей народа. Суд, созданный в результате преобразования Судебного комитета Палаты лордов конституционной реформой 2005 г. с целью недопущения (хотя бы чисто формального!) присутствия судебной власти внутри власти законодательной, **не может осуществлять судебную экспансию**. Он не может отменить первичные законодательные акты Парламента. Он может только издать декларацию о несоответствии внутреннего законодательного акта Европейской конвенции о правах человека. Парламент и Правительство могут не согласиться с мнением суда¹.

***

Теперь перейдем к анализу собственно **специализированных органов конституционного правосудия**. Французский **Конституционный совет** функционирует с 1958 г., не являясь судебным органом в полном смысле этого слова. «В то время как Германия и Италия утвердили свои Конституции с детально прописанными биллями о правах, воплощаемыми могущественны-

---

¹ <https://e.mail.ru/message/13978010440000000324>

ми конституционными судами, которые позже станут примерами для новых демократий Испании и Португалии, а совсем недавно – для демократий Центральной и Восточной Европы, отцы – основатели V Республики разработали Конституцию, главной целью которой является усиление исполнительной ветви власти» [16, р. 729]. Обычно Конституционный совет решает дела по запросу (обязательному или факультативному) президента, премьер-министра, председателей обеих палат парламента, группы депутатов.

Федеральный Конституционный Суд Германии – один из лучших с точки зрения организации, обладает чрезвычайно широкими полномочиями. Он состоит из 16 судей в составе двух сенатов с равными полномочиями, один из которых специализируется на федеративных отношениях. Вместе с тем суд рассматривает и конституционные жалобы граждан (силами шести судей), а также осуществляет специфические репрессивные полномочия (например, в отношении политических партий). Высшим органом выступает Пленум в составе всех судей. Пленум, в частности, может своим решением изменить круг деятельности сенатов с целью обеспечения их одинаковой загруженности. В итоге подобной рациональной деятельности суд рассмотрел за более чем 60 лет свыше 100 тыс. дел [17, с. 247–255].

***

И все же вопрос об организации отдельного от Верховного суда высшего органа конституционного правосудия является достаточно дискуссионным в современной мировой науке и практике. Например, в **Скандинавских странах** против институционализации конституционной юстиции приводятся следующие аргументы. Во-первых, возникнет проблема с разделением власти и в особенности ослабнет власть парламента. Во-вторых, Конституционный суд присвоит себе политическую власть. В-третьих, существующая система контроля за конституционностью законодательства вполне удовлетворительна. В-четвертых, учреждение Конституционного суда не соответствовало бы существующей правовой культуре. В-пятых, принцип назначаемости членов Конституционного суда противоречил бы демократическим канонам. В-шестых, у Конституционного суда не будет достаточного фронта работы по причине немногочисленности обращений в него [18].

***

Итак, подведем некоторые итоги. **Спрос на правосудие зависит от множества обстоятельств.** Высокий уровень удельного веса судебных исков в обществе не обязательно свидетельствует об обилии спорных ситуаций или об исключительной плотности правового регулирования. Спорные ситуации могут решаться не только через суд, а регулирование может использовать иные формы, не обязательно только право [19, р. 294]. В конце концов мы должны учитывать и вопрос о качестве и вариантах предлагаемых судебных услуг. Не секрет ведь, что избыточное предложение само по себе может стимулировать спрос, подстегивать «сутяжническую эйфорию».

«На обеспечение доступа к правосудию наибольшее влияние оказывают следующие факторы:

- 1) устройство судебной системы;
- 2) распределение полномочий между судами в этой системе (определение их компетенций);

- 3) процедуры рассмотрения дел в судах;
- 4) процедуры обжалований судебных постановлений;
- 5) исполнение судебных постановлений» [20, с. 22].

Мы с уверенностью продолжаем утверждать, что идеальных моделей не существует, в том числе и идеальных моделей конституционного правосудия. Система разделения властей в различных государствах неодинакова, будучи адаптирована к конкретным формам правления и государственного устройства, государственно-управленческим традициям, политической и правовой культуре. То, что, например, хорошо для США, Индии, Великобритании, Франции, вряд ли подойдет для России. Известное исключение представляет Германия. Этот тип государственного устройства (федерация, организованный «сверху») достаточно близок России. Многие организационные параметры Федерального Конституционного Суда были заимствованы при конструировании российского Конституционного Суда. Однако в чистом виде и германская модель не является идеальной для России.

В России действительно существует неупорядоченность в функционировании судебной системы. Это не только несогласованность в деятельности высших судов, но и дробность судебной системы, «судебная власть в России разделена на семь самостоятельных составляющих, каждая из которых функционирует практически независимо. Это Конституционный Суд; система арбитражных судов; Верховный Суд и система судов общей юрисдикции, военных судов; мировые суды, создающаяся система конституционных, уставных судов субъектов Федерации». Что же касается проблемы с Конституционным Судом, то он «иногда рассматривает вопросы, отнесенные к компетенции судов высшей юрисдикции, последние выборочно исполняют обязательные для всех решения Конституционного Суда и т.п.» [21].

В выступлении Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на VIII Всероссийском съезде судей в декабре 2012 г. содержалось немало здравых суждений и предложений. В частности, нельзя не согласиться с изменением **об особой деликатности вопроса о влиянии постановлений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) на нормы российской системы права.** «Мне представляется, что в этих случаях именно Конституционный Суд является органом, наиболее подходящим для инициирования и организации процедуры обсуждения законодательных норм, принятие которых вытекает из решений ЕСПЧ. Ведь главный вопрос, который встает в этих случаях, – это вопрос о соответствии правовых новелл, вытекающих из решения ЕСПЧ, Конституции РФ.

Полагаю, что на базе Конституционного Суда могла бы быть сформирована одна из постоянно действующих площадок для таких консультаций. При этом было бы важно подключить к этой работе представителей европейского Контрольного механизма Конвенции и их российских партнеров из Минюста и МИДА, а также представителей российской правовой науки, судебного и адвокатского сообщества» [22, с. 6].

Как справедливо полагает В. Д. Зорькин, необходимо и «повышение роли России в выработке общих европейских правовых стандартов и механизмов имплементации Конвенции на уровне национальных государств... <...> российская сторона должна иметь рычаги влияния на принятие таких решений, которые затрагивают правовую систему России, так или иначе свя-

заны с ее суверенитетом, социально-культурным миром и политической стабильностью в нашей стране» [22, с. 6].

Однако признавая значимую роль Конституционного Суда РФ во взаимоотношениях с внешним миром, **трудно согласиться с его властными амбициями внутри российской судебной системы и, в частности, с инициативой о том, что следует закрепить механизм проверки конституционности актов пленумов высших судов** [22, с. 7–8]. Не будет ли это проявлением недоверия к судебной власти в целом и к ее наиболее авторитетному органу – Верховному Суду РФ? Не станет ли обязательная процедура проверки на конституционность шагом закрепления за Конституционным Судом статуса «самого старшего суда среди высших»? Готова ли российская власть, наши граждане и юридическое общество к подобной формуле разделения властей?

В идеальной ситуации орган конституционного правосудия (а он представляется более желательной конструкцией в условиях России, чем традиционный в странах англо-американского мира верховный суд) **должен быть функционально эффективным и социально приемлемым**. Иными словами, его задача – по крайней мере не вызывать раздражения населения, политической и деловой элиты. Он призван обладать достаточно разумным объемом полномочий, но лишенным публично выражаемых властных амбиций. Ему необходимо не затягивать решения дел и не создавать судебные очереди. Ему следует придать четко очерченную, недвусмысленную юрисдикцию, не позволяющую вступать в конфликт с другими высшими судами. Взаимоотношения с последними должны строиться на основе равноправия. При необходимости между высшими судами (включая и конституционный суд) должна осуществляться координация, проводиться совместные совещания на основе принципа профессиональной ротации (в зависимости от специфики рассматриваемых вопросов). Наконец, на площадке Конституционного Суда должны проходить научно-консультативные семинары с участием научной юридической общественности, а сами судьи могут находиться под двойным контролем специальных должностных лиц от высшей исполнительной и высшей законодательной власти, как это имеет место в Финляндии [23, с. 198].

Список литературы

1. **Нудель, М. А.** Конституционный контроль в капиталистических государствах / М. А. Нудель. – М., 1968.
2. Конституционный контроль в зарубежных странах : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Маклаков. – М., 2007.
3. **Getso, R.** The Institutional Model of US Supreme Court Decision-Making / R. Getso // International Journal of the Sociology of Law. – 2004. – Vol. 32, № 2 (June).
4. **Williams, R. P.** The First Congress. March 4, 1789 – March 3, 1791. A Compilation of Significant Debates / R. P. Williams. – N. Y., 1970. – P. 244–279.
5. **Ellis, R. E.** The Jeffersonian Crisis. Court and Politics in the young Republic / R. E. Ellis. – N. Y., 1971.
6. **Surrency, E. C.** History of the Federal Courts / E. C. Surrency. – N. Y. ; L., 1987.
7. **Саломатин, А. Ю.** Деятельность Верховного Суда США в середине XX в. под председательством Э. Уоррена как пример беспрецедентного судейского активизма / А. Ю. Саломатин, Е. А. Агеева. – Пенза, 2008.
8. **Westin, A. F.** The Supreme Court, the Populist Movement and the Campaign of 1896 / A. F. Westin // Journal of Politics. – 1953. – Vol. 15 (February).

9. **Eggert, G. G.** Richard Olney and the Income Tax Cases / G. G. Eggert // *Mississippi Valley Historical Review*. – 1961. – Vol. 48 (June).
10. **Ratner, S.** American Taxation: Ith History as a Social Force in Democracy / S. Ratner. – N. Y., 1942.
11. **Старченко, А. А.** Философия права и принципы правосудия в США / А. А. Старченко. – М. : Высшая школа, 1969. – 120 с.
12. **Берлявский, Л. Г.** Концепция живой конституции в Соединенных Штатах Америки / Л. Г. Берлявский // *Конституционное и муниципальное право*. – 2014. – № 2.
13. **Rehnquist, W.** The Supreme Court / W. Rehnquist. – N. Y., 1987.
14. **Segal, J. A.** The Supreme Court in American Legal System / J. A. Segal, J. Spaeth, S. C. Benesh. – Cambridge, 2006.
15. **Robinson, N.** Structure Matters: The Impact of Court Structure on the Indian and US Supreme Court / N. Robinson // *The American Journal of Comparative Law*. – 2013. – Vol. 61, № 1.
16. **Dyevre, A.** Filtered Constitutional Review and the Reconfiguration of Inner-Judicial Relations / A. Dyevre // *The Amer. Journal of Comparative Law*. – 2013. – Vol. 61, № 4.
17. Конституционный контроль в зарубежных странах : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Маклаков. – М., 2007.
18. **Veli-Pekka Hautamaki** Reasons for Saying: No Thanks! Analyzing Discussion about the Necessity of a Constitutional Court in Sweden and Finland / Veli-Pekka Hautamaki // *Electronic Journal of Comparative Law*. – 2006. – Vol. 10 (1 June).
19. Changes in Political Regimes and Continuity of the Rule of Law in Germany // H. Jacob, E. Blankenburg, H. M. Kritzer, D. M. Provine, J. Sanders // *Courts, Law and Politics in Comparative Perspective*. – New Haven ; L., 1996.
20. **Жуйков, В. М.** Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию // Судебная реформа в прошлом и настоящем / В. М. Жуйков. – М., 2007.
21. **Трунов, И. Л.** Судебная система / И. Л. Трунов. – URL : <http://www.trunov.com/content.php?act=showconts.id=4183>
22. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина // *Российская юстиция*. – 2013. – № 2.
23. **Малько, А. В.** Сравнительное правоведение : учеб.-метод. комплекс / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – М., 2008.

References

1. Nudel' M. A. *Konstitutsionnyy kontrol' v kapitalisticheskikh gosudarstvakh* [Constitutional control in capitalistic states]. Moscow, 1968.
2. *Konstitutsionnyy kontrol' v zarubezhnykh stranakh: ucheb. posobie* [Constitutional control in foreign countries: tutorial]. Ed. by V. V. Maklakov. Moscow, 2007.
3. Getso R. *International Journal of the Sociologi of Law*. 2004, vol. 32, no. 2 (June).
4. Williams R. P. *The First Congress. March 4, 1789 – March 3, 1791. A Compilation of Significant Debates*. New York, 1970, pp. 244–279.
5. Ellis R. E. *The Jeffersonian Crisis. Court and Politics in the young Republic*. New York, 1971.
6. Surrency E. C. *History of the Federal Courts*. New York; London, 1987.
7. Salomatin A. Yu., Ageeva E. A. *Deyatel'nost' Verkhovnogo Suda SShA v seredine XX v. pod predsedatel'stvom E. Uorrena kak primer bespretsendentnogo sudeyskogo aktivizma* [The US Supreme Court activity in the middle of XX century under the chairmanship of E. Warren as an example of unprecedented court activism]. Penza, 2008.
8. Westin A. F. *Journal of Politics*. 1953, vol. 15 (February).
9. Eggert G. G. *Mississippi Valley Historical Review*. 1961, vol. 48 (June).

10. Ratner S. *American Taxation: Ith History as a Social Force in Democracy*. New York, 1942.
11. Starchenko A. A. *Filosofiya prava i printsipy pravosudiya v SShA* [Philosophy of law and the principles of US justice]. Moscow: Vysshaya shkola, 1969, 120 p.
12. Berlyavskiy L. G. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2014, no. 2.
13. Rehnquist W. *The Supreme Court*. New York, 1987.
14. Segal J. A., Spaeth J., Benesh S. C. *The Supreme Court in American Legal System*. Cambridge, 2006.
15. Robinson N. *The American Journal of Comparative Law*. 2013, vol. 61, no. 1.
16. Dyevre A. *The Amer. Journal of Comparative Law*. 2013, vol. 61, no. 4.
17. *Konstitutsionnyy kontrol' v zarubezhnykh stranakh: ucheb. posobie* [Constitutional control in foreign countries: tutorial]. Ed. by V. V. Maklakov. Moscow, 2007.
18. Veli-Pekka Hautamaki *Electronic Journal of Comparative Law*. – 2006, vol. 10 (1 June).
19. Jacob H., Blankenburg E., Kritzer H. M., Provine D. M., Sanders J. *Courts, Law and Politics in Comparative Perspective*. New Haven; London, 1996.
20. Zhuykov V. M. *Sudebnaya reforma v proshlom i nastoyashchem* [Judicial reform in the past and present]. Moscow, 2007.
21. Trunov I. L. *Sudebnaya sistema* [Court system]. Available at: <http://www.trunov.com/content.php?act=showconts.id=4183>
22. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2013, no. 2.
23. Mal'ko A. V., Salomatin A. Yu. *Sravnitel'noe pravovedenie: Ucheb.-metod. kompleks* [Comparative jurisprudence: Educational-methodological complex]. Moscow, 2008.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, руководитель НОЦ «Сравнительная правовая политика», Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Salomatin Aleksey Yur'evich

Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, head of sub-department of state and law theory and political science, head of the scientific and educational center “Comparative policy of law”, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 340.5

Саломатин, А. Ю.

Идеальная модель органа конституционного правосудия (компаративистский анализ верховных и конституционных судов ведущих стран мира) / А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 101–111.